

В понимании основных вопросов сущности, специфики и качественных особенностей народного творчества советской эпохи авторы раздела стоят, на наш взгляд, в общем на верных позициях, разделяемых большинством советских фольклористов. Подчеркивая коренные перемены, происшедшие в судьбах фольклора после победы Великой Октябрьской социалистической революции, справедливо указывая на идейно-политическое единство советской устной поэзии и литературы, В. Ю. Крупянская и С. И. Милиц в то же время определяют советский фольклор как художественное явление, которое имеет свою специфику, которое не уничтожается и не исчезает с ликвидацией антагонистических классов в нашей стране, но продолжает жить и развиваться.

Однако эти общие положения, изложенные в начале раздела, не получают в дальнейшем столь же последовательно четкого развития и подтверждения. Больше того, анализ конкретного материала нередко вступает в противоречие с методологическими установками авторов. Конечно, ни с точки зрения принципиальной, ни с точки зрения методической нельзя отрывать рассмотрение истории советского фольклора от истории близких явлений советской литературы и профессионального музыкального искусства (массовая песня и др.). Но в книге эти два ряда явлений подчас смешиваются, произведение литературы и профессиональной музыки привлекаются для характеристики собственно фольклорных процессов. Даже при внимательном чтении отдельных глав нелегко подчас различить, где же кончается литература и начинается народное творчество.

Рассматриваемая книга в этом отношении разделяет в известной мере недостаток присущий большинству современных работ по вопросам советского фольклора.

Последнее замечание, относящееся ко всей книге в целом, касается библиографии. Здесь нет столь необходимого указателя рекомендованной литературы (по темам или в целом «по курсу»). Многочисленные библиографические ссылки в тексте часто случайны, в результате чего в книге не упоминается ряд ценных и нужных для студента исследований, зато названы многие работы, не имеющие большого значения.

Таким образом, рецензируемое учебное пособие не свободно от ряда недостатков как общего, так и более частного порядка. Оно подлежит дальнейшему совершенствованию и доработке. Мы подчеркнули эти недостатки прежде всего потому, что убеждены в ценности рецензируемой книги, которая имеет все основания стать одним из основных учебных пособий по русскому фольклору. Уже сейчас следует подумать над подготовкой второго издания книги, избавленного от недочетов, обнаруженных в первом издании. Помимо исправления ряда частных погрешностей, авторскому коллективу необходимо провести работу по трем основным направлениям. Во-первых, должна быть усилена теоретическая сторона пособия; важнейшие теоретические положения необходимо не только развить в введениях, но и всемерно конкретизировать в отдельных главах. Во-вторых, необходимо усилить историзм в рассмотрении явлений фольклора, дав специальную главу о возникновении и историческом развитии народного творчества и основательнее поработав над конкретизацией вопросов истории отдельных жанров. В-третьих, нужен более широкий и конкретно-исторический анализ вопросов художественной специфики фольклора.

Рекомендуя вышедшее пособие преподавателям и студентам вузов, надо вместе с тем ставить вопрос о создании специального учебника по истории русского народно-поэтического творчества. Наша высшая школа не может удовлетвориться каким-то одним учебным пособием. Нужны курсы лекций выдающихся педагогов, нужна полноценная хрестоматия по русскому фольклору, необходимые антология по истории русской фольклористики, сборники текстов отдельных жанров и т. д. Надо надеяться, что вышедшее учебное пособие — лишь начало, что соответствующие издательства будут планомерно выпускать литературу по фольклору, в которой так нуждается наша высшая школа.

Б. Н. Путилов

А. П. Разумова. *Из истории русской фольклористики*. П. Н. Рыбникова, П. С. Ефименко. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

Разработка истории русской фольклористики в тесной связи с историей общественной мысли и освободительного движения является одной из важнейших задач советской науки о народном творчестве.

Советские ученые, пересматривая исторические схемы и концепции либерально-буржуазной фольклористики, впервые раскрыли значение трудов и высказываний по народному творчеству А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Вклад представителей революционной мысли в изучение народной поэзии оказался настолько велик, что в советской науке возникли и прочно утвердились особые понятия для определения созданных ими направлений, такие, как «декабристская фольклористика», «школа революционно-демократической фольклористики». Именно этим направлениям, традициям и деятельности их представителей обязана своими лучшими достижениями передовая русская фольклористика.

Всесторонняя оценка передовых направлений в науке о фольклоре XIX в. требует еще целого ряда частных исследований. Так, совершенно необходимо изучение деятельности тех собирателей и исследователей народного творчества, которые находились под непосредственным влиянием революционных демократов.

Известный интерес в этом отношении представляет рецензируемая книга. Она посвящена деятельности двух крупнейших представителей демократического направления русской фольклористики — П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко, занимавшихся собиранием и изучением народного творчества в Олонецкой и Архангельской губерниях. Собранные ими материалы впервые показали, что северные окраины России являются богатейшей сокровищницей народной поэзии. Особенно ценным явилось открытие ими живого бытования русского эпоса, составившего целый этап в науке о фольклоре.

В своем исследовании А. П. Разумова обобщает результаты работ, уже сделанных советскими учеными (М. М. Клевенским, М. К. Азадовским) по изучению деятельности Рыбникова и частично Ефименко. Вместе с тем, она вводит целый ряд новых материалов и фактов, добытых ею путем изучения архивов и периодической печати. Ценным и плодотворным явилось дальнейшее изучение А. П. Разумовой характера деятельности студенческих политических кружков 50-х годов XIX в. и, прежде всего, московского «Кружка вертепников» и харьковского тайного кружка, виднейшими участниками которых были Рыбников и Ефименко.

Политические и литературные кружки 1850 гг., возникшие как в столичных, так и в провинциальных городах, еще недостаточно изучены. Через сеть этих кружков в годы «мрачного семилетия» (1848—1855) и даже позднее шла линия от Белинского к Чернышевскому. В кружках в основном росли и складывались деятели второго периода освободительного движения — разночинцы. В донесениях правительства участники кружков не раз характеризовались как «приверженцы идей и мыслей Герцена, которого почитают с подобострастием и называют мучеником за Отчизну»¹. Ставя перед собой задачу борьбы с самодержавием, русская демократическая молодежь, объединенная в различные кружки, старалась сблизиться с народом, прислушаться к его голосу. Из рядов этой молодежи формировались и кадры деятелей краеведческого движения, выступавших в эти годы в местных изданиях с работами, посвященными изучению народного быта, собиранию и публикации народной поэзии.

Собранные А. П. Разумовой факты убедительно показывают, что мировоззрение Рыбникова и Ефименко, их фольклористические интересы, первые опыты собирания народной поэзии «берут свое начало в революционно-демократическом движении шестидесятых годов, участниками которого они являлись» (стр. 22).

Кружки «вертепников» и харьковский придавали огромное значение «хождению в народ», изучению народной жизни и просветительной пропаганде. Осуществляя эти требования, Рыбников в начале 1859 г. предпринял путешествие по Черниговской губернии. Здесь он встречался с крестьянами, раскольниками, вел с ними политические разговоры. Наряду с изучением состояния промышленности, общинного землевладения он занимался собиранием фольклора. Из собранных и большей частью уничтоженных при аресте материалов особенно ценна песня о Пугачеве. А. П. Разумовой удалось обнаружить полный текст этой песни, печатавшейся до сих пор в искаженном виде (стр. 34—35). Такую же собирательскую работу проводил и член харьковского кружка — Ефименко. В его ранних записях также видно «стремление обратить внимание на социальную сторону народной жизни» (стр. 39).

Новые материалы свидетельствуют о том, что арест и ссылка Рыбникова в Петрозаводск, Ефименко в Пермь, а затем Архангельскую губернию были вызваны не только их участием в революционных кружках и «противоправительственной деятельностью», но и собирательской работой, сочетавшейся с политической пропагандой. В ссылке они продолжали в больших размерах уже начатую работу, до конца раскрыли новые принципы собирания народного творчества, изучения быта народа.

А. П. Разумова окончательно опровергает взгляды дореволюционных исследователей на Рыбникова как сторонника и продолжателя славянофильской фольклористики. В главе «П. Н. Рыбников в Карелии» исследовательница на целом ряде конкретных примеров показывает полную противоположность научных и политических взглядов, принципов изучения народной жизни и собирания народного творчества Рыбникова установкам славянофилов, отмечает близость взглядов Рыбникова взглядам и программным требованиям Белинского, Герцена, Добролюбова и Чернышевского.

Рыбников, как и революционные демократы, рассматривал народное творчество в связи с жизнью, мировоззрением и историей народа. Его характеристики олонецкого крестьянства часто напоминают соответствующие оценки народа в статьях Добролюбова. Рыбников отмечает не утверждавшееся славянофилами смирение и безропотность русского человека, а высокую нравственную силу, чувство собственного достоинства, социальной ненависти, преданность своим убеждениям². Далеко не случайно, как правильно устанавливает А. П. Разумова, что Рыбников из всех жанров олонецкого фольклора остановился на былинах. Он считал, что «былевая поэзия соответствует исторически устойчивым, типичным настроениям русского крестьянства, выражает его

¹ М. Клевенский, Вертепники, «Каторга и ссылка», кн. 47, 1928, стр. 31.

² См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, т. 1, 1909, стр. XXXI—XXXII.

духовную сущность, его социальные и эстетические воззрения» (стр. 60). Богатырь для Рыбникова — представители русского народа, воплощение его общей силы, проявление его воли и могущества. «Богатырь», — писал Рыбников, — это вообще яркая, крупная личность, возведенная в идеал»³.

К сожалению, А. П. Разумова недостаточно полно показала, что Рыбников в своих высказываниях о былинах по существу развивал взгляды Белинского на русский эпос, его происхождение и развитие. Именно это обстоятельство позволило Рыбникову стать выше господствующих теорий мифологов и компаративистов, внести свой вклад в изучение русского былинного творчества как самим материалом, так и новым к нему подходом. Идя по пути революционно-демократической фольклористики, Рыбников выступал против обезличенного подхода к исполнителям, их творческой индивидуальности. Он первый поставил одну из важных проблем в изучении народного творчества — проблему мастерства сказителей. После Рыбникова стало традицией указывать имена сказителей и певцов, отмечать их индивидуальные особенности.

В своих незаконченных работах, письмах и заметках Рыбников оставил ряд высказываний о народных сказках, песнях и обрядах. Собранные и суммированные А. П. Разумовой, эти высказывания представляют большой интерес для советских фольклористов.

В отличие от Рыбникова, занимавшегося в основном одним жанром — былинной, П. С. Ефименко в годы ссылки ставил перед собой задачу всестороннего изучения народной жизни во всей совокупности ее материального и духовного выражения. Он собирал материалы по народному творчеству Архангельской губернии, истории, археологии, статистике, народным юридическим обычаям, этнографии. Вместе с известным этнографом П. П. Чубинским, тоже сосланным в эти годы на север, Ефименко сумел организовать для такого комплексного изучения целый коллектив собирателей, состоявший из местной интеллигенции и политических ссыльных. Неоднократно он составлял программы по этнографии, инструкции по собиранию сведений о народных суевериях и поверьях. Основными работами Ефименко явились «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» (1869) и «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (1877—1878).

Стремление Ефименко к комплексному изучению народного быта и мировоззрения с учетом местных условий целиком отвечало требованиям журнала революционной демократии — «Современника», призыву Добролюбова изучать народ и его поэзию в тесной связи с жизнью, с окружающей обстановкой. В результате такого изучения, как отмечает А. П. Разумова, «этнография становилась социальной этнографией, комментарием к действительности. Из ...мелких подробностей, частных замечаний складывалось одно целое, где на первом плане — современная крестьянская Русь, курная изба, лишения народа, суровая правда о крестьянской жизни» (стр. 111).

Новы и ценны приводимые А. П. Разумовой сведения о политических ссыльных, работавших вместе с Ефименко в Архангельской губернии, — П. П. Чубинском, А. Никольском, А. И. Стронине и других. Архивные материалы позволили исследователям более подробно рассказать о деятельности Ефименко в Перми, его участии в пермском кружке, роли в распространении запрещенных сочинений, причине новой ссылки в Архангельскую губернию и строгого надзора здесь над ним. Эти сведения интересны не только для фольклористики, но и для истории общественной мысли, революционного движения 60-х годов XIX в.

При всей правильности общих установок работа А. П. Разумовой имеет и недостатки. Исследовательница не всегда справляется с обилием нового материала, нередко подменяет его анализ описанием. Суммарно и упрощенно дана во «Введении» характеристика особенностей революционно-демократической фольклористики.

Автором приложена к книге большая и почти исчерпывающая тему библиография. Она касается не только работ П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко в периодической печати и научной литературы о них, но, что особенно ценно, и документальных материалов в архивах СССР. Не учтены в библиографии статьи П. Н. Рыбникова под общим названием «Из Олонекской губернии. Заметки с дороги И. С. Аксакову», напечатанные в газете «День» (1862 г., №№ 47, 50, 52).

Исследование А. П. Разумовой, опыт изучения ею роли политических ссыльных кружков 50—60-х годов XIX в. в истории русской фольклористики заслуживает всяческой поддержки как полезное и нужное начинание.

Л. В. Домановский

Семен Бытовой. *На счастливой реке*. Советский писатель. Л., 1954.

Художественная литература о народах Дальнего Востока пополнилась интересными очерками С. Бытового. В книгу его вошли два произведения: «Быль о жень-шене» и «Учитель остается с народом». «Быль о жень-шене» — едва ли не первая после В. К. Арсеньева попытка познакомить широкого читателя с чудодейственным «корнем жизни» — мало интересна в этнографическом отношении. Приводимые автором обстоя-

³ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, т. 3, 1910, стр. 322.